

АФГАНИСТАН И НИКАРАГУА *

Предполагать возможность определенной политической взаимосвязи в разрешении региональных конфликтов, касающихся Афганистана и Никарагуа, вовсе не значит ставить знак морального равенства между той ролью, которую две сверхдержавы играют в каждом из этих конфликтов.

В действительности же, контраст между ними более, чем очевиден. Соединенные Штаты оказывали прямое экономическое и политическое давление на режим в Манагуа, который США далеко не симпатичен, однако военное вмешательство Соединенных Штатов в конфликт носит весьма ограниченный и косвенный характер. Советский Союз, напротив, использовал именно военную силу для установления в Кабуле угодного ему режима.

Афганистан — это классический пример иностранной интервенции, интервенции настолько жестокой, что сравнить ее можно лишь с нацистской оккупацией европейских государств. Сожжение деревень, казни заложников, массированные бомбардировки и даже химическое оружие — все это Советский Союз применяет против людей, которые желают лишь одного — чтобы ими не управляли коммунисты.

* По-английски статья была напечатана в журнале "The National Interest", No. 1, Fall 1985, Washington D.C.

Проводимая Советским Союзом в Афганистане политика заставила бежать за пределы страны чуть ли не 25% всего афганского населения, не говоря уже о сотнях тысяч убитых и изувеченных в результате советских военных операций. Такая политика по сути является геноцидом.

Афганистан действительно стал моральным символом, и возмутительно, что общественное мнение Соединенных Штатов, традиционно либеральное и с готовностью защищающее жертвы американского, израильского или какого-либо другого непопулярного „империализма“, по поводу Афганистана большей частью хранит молчание. Необходимо заявить и неустанно повторять, что советская политика в Афганистане — это четвертое по масштабам массовое уничтожение людей в новейшей истории. Масштабы афганской катастрофы уступают лишь сталинскому террору, истреблению Гитлером евреев и славян Европы и резне, которую Пол Пот провел в Кампучии. Но ведь в Афганистане геноцид проводится сейчас!

Моральное осуждение происходящего в Афганистане — правомерный отклик, и оно обязательно должно сопровождать реакцию политического характера. Однако такая реакция со стороны Соединенных Штатов должна быть реалистичной.

Можно проводить параллели между советским вмешательством в Афганистане и озабоченностью Соединенных Штатов положением в Никарагуа, но их следует проводить лишь в политической плоскости.

И Афганистан и Никарагуа расположены в географической близости к соответствующей сверхдержаве. Поначалу сверхдержавы приветствовали внутренние волнения, которые в прошлом имели место в обоих малых государствах, и только некоторое время спустя они стали ощущать, что наступившие в малых государствах перемены — не в их пользу. Тогда же обе сверхдержавы стали утверждать (и утверждают до сих пор), что они опасаются использования внутренних проблем соответствующей соседней страны внешними силами и последующего обострения конфликта между сверхдержавами.

Советский Союз одобрил, а, возможно, и поддержал первый коммунистический переворот в Афганистане. Позже, однако, в стране стал утверждаться у власти более радикальный

коммунистический режим Амина, который со временем утрачивал способность справиться с внутренней антикоммунистической оппозицией, но в то же время был полон решимости сохранить независимость Афганистана. В конце 1979 г. советские войска вторглись в Афганистан, президент Амин был убит, а на его место посажен послушный коллаборационист. С этого момента советские вооруженные силы с возрастающей жесткостью продолжают „умиротворять” страну.

Что же касается Никарагуа, то Соединенные Штаты при-ветствовали падение режима Самосы. В то время в американских правительственных кругах наиболее распространенным, хотя и не единственным, было мнение, что победа сандинистов приведет к созданию в Никарагуа демократического и дружественного Соединенным Штатам режима. Первоначальной реакцией США было предложение экономической помощи новым властям в Никарагуа. Соединенные Штаты предприняли значительные усилия, чтобы поставить американо-никарагуанские отношения на более дружественную основу. Бесплодность таких усилий стала очевидной довольно быстро и очевидной по двум причинам: во-первых, новое правительство Никарагуа *открыто* объявило себя авангардом нового революционного подъема в Центральной Америке, а *скрыто* стало содействовать марксистским силам в Сальвадоре; и во-вторых, во внутренней политике сандинистов все более очевидным становилось движение от демократии к тоталитаризму.

Более того, и Соединенные Штаты и Советский Союз рассматривали политику, проводимую правительством другой сверхдержавы по отношению к близлежащей к ней малой стране, не только как провокацию, но и как политику, усугубляющую вызванные не очень удачными политическими переменами трудности этой малой страны. Советский Союз многократно обвинял Соединенные Штаты в активной поддержке муджахидов; Соединенные Штаты привлекали внимание мировой общественности к роли кубинских военных советников в Никарагуа и к поставкам в эту страну советского военного оборудования, подчеркивая при этом опасность проникновения Кубы и СССР в Никарагуа для всего региона Центральной Америки.

В свете сказанного выше следует задаться вопросом, возможно ли вообще соглашение, политически приемлемое для обеих сверхдержав и в то же время способствующее стабилизации положения в данных регионах. Совершенно очевидно, что достижение такого соглашения является обязательным условием заключения более широкого американо-советского соглашения, которое, в свою очередь, является обязательным условием создания более благоприятного международного климата, необходимого для успеха американо-советских переговоров по контролю над вооружениями.

Поиски такого соглашения потребуют определенных уступок. Советскому Союзу должно быть совершенно ясно, что Соединенные Штаты не потерпят постоянного советского присутствия в Афганистане, поскольку распространение советского геополитического влияния на этот регион угрожает безопасности Западной Азии и Персидского залива — районов, стратегически важных для Соединенных Штатов. Советскому Союзу должно быть совершенно ясно, что продолжающееся присутствие советских войск в Афганистане приведет к увеличению американской поддержки сил афганского сопротивления — поддержки как материальной, так и политической, а также к активизации усилий по мобилизации международного общественного мнения на еще более острое осуждение советской агрессии в Афганистане. Только тяжелые военные потери и необратимый политический проигрыш могут склонить советское руководство к пересмотру нынешней советской политики в Афганистане.

Вместе с тем, необходимо проявить какую-то степень понимания озабоченности советского руководства судьбой промосковского режима в Манагуа. В конце концов, было бы крайне нереалистично настаивать, чтобы Москва смирилась с таким решением в Афганистане, которое было бы неприемлемым для Соединенных Штатов в случае Никарагуа. Ведь действительно, Афганистан и Никарагуа не только вызывают политические ассоциации; в какой-то мере они политически связаны. Иными словами, конструктивное решение афганской трагедии должно быть основано на таких принципах, которые были бы приемлемы и для урегулирования отношений Соединенных

Штатов с Никарагуа.

Такие принципы, такую формулу гораздо легче предложить, чем претворить в жизнь. Но формулирование — обязательный первый шаг реализации любого плана, и оно должно предусматривать такое разрешение и афганской и никарагуанской проблемы, которое можно выразить следующими словами: „нейтрализация во внешней и самоопределение во внутренней политике”. Нейтрализация — это обеспечение гарантий, что ни Афганистан, ни Никарагуа в будущем не присоединятся к силам, враждебным соседней сверхдержаве, и будут воздерживаться от политических или военных действий, которые могут отрицательно сказаться на региональных интересах данной сверхдержавы. Самоопределение — это соответствие политического устройства малой страны свободно выраженной воле ее населения и поддержка такого политического устройства, по крайней мере, в начале внешними силами, приемлемыми для соседней сверхдержавы, но не контролируемые ею.

Такое решение более или менее отвечает интересам, открыто провозглашаемым сверхдержавами. Разумеется, если *истинные* мотивы советских действий — это стремление господствовать в Афганистане и только, или если нынешнее правительство Соединенных Штатов стремится во что бы то ни стало свергнуть сандинистский режим, то в таком случае предложенные выше меры непригодны. „Истинные” мотивы СССР, возможно, и на самом деле определяются стремлением к господству в Афганистане, но мотивы, которыми советское руководство объясняет свои действия в этой стране, могут быть лишены какого-либо основания. Изменить же советскую мотивировку может политика, предлагающая переговоры и одновременно не вызывающая у Советского Союза сомнений относительно той цены, которую ему придется заплатить за продолжение агрессии в Афганистане. Таким образом, готовность к переговорам необходимо сочетать с дальнейшей помощью силам афганского сопротивления.

Необходимо, однако, выполнить и второе условие, а именно придать смысл формуле „нейтрализация во внешней и самоопределение во внутренней политике”. Для обеспечения нейтралитета Афганистана Соединенные Штаты должны быть готовы стать одной из пяти стран, которые будут гарантировать

его нейтралитет. Помимо Соединенных Штатов имеются в виду соседние с Афганистаном государства — Советский Союз, Китай, Пакистан и Иран (возможно, Индия). В договоре этих государств должны быть сформулированы совершенно определенные гарантии и четко указаны функции участников. После заключения такого договора Советский Союз должен будет вывести все свои войска из Афганистана в договоренный короткий период (в пределах трех месяцев), так как в противном случае любые гарантии нейтралитета окажутся бессмысленными. Но чтобы вывод советских войск из Афганистана не повлек за собой немедленного истребления оказавшихся в меньшинстве сторонников СССР, необходимо будет принять дополнительные меры, прежде всего, разместить в Афганистане части международных сил по поддержанию мира.

Совершенно очевидно, что состав этих сил — важнейшая проблема не только для Афганистана, но и для СССР, и для Соединенных Штатов. Наиболее приемлемыми, возможно, будут подразделения из мусульманских стран, внешняя политика которых не враждебна СССР. Соединенные Штаты могли бы согласиться с тем, чтобы отряды были посланы из Алжира и Сирии, возможно, и Ливии, поскольку режимы в этих странах придают особое значение мусульманским ценностям и единству всех мусульман. Для Советского Союза такой состав сил по поддержанию мира также может оказаться приемлемым, поскольку перечисленные страны гарантировали бы нейтралитет Афганистана и успокоили бы опасения СССР относительно возможного использования антисоветских настроений американскими разведывательными службами и другими силами, которые советское руководство считает враждебными.

Формула „нейтрализация во внешней и самоопределение во внутренней политике” должна быть применена и к Никарагуа. В данном случае нейтрализация означает вывод всего иностранного военного и полицейского персонала (военные советники и работники тайной полиции из стран советского блока) и прекращение ввоза в Никарагуа вооружений из стран, враждебных Соединенным Штатам. Более того, гаранты в этом регионе — главным образом, участники кантадорского процесса — могли бы действительно обеспечить нейтральный статус Ника-

рагуа. Внутриполитический процесс должен быть открытым для всех заинтересованных сторон. Политическое решение проблемы Никарагуа должно также предусматривать определение даты новых выборов, в которых будет свободно выражена воля никарагуанского населения. Если в таких выборах президент Ортега будет переизбран, Соединенные Штаты должны будут признать его при условии, что нейтралитет во внешней политике и принцип политического самоопределения внутри Никарагуа будут соблюдаться и в дальнейшем. Такое обязательство Соединенных Штатов, формально подтверждающее региональные гарантии нейтралитета Никарагуа, может стать составной частью общего соглашения.

Конечно, все предложенные выше проекты окажутся непригодными, если Советский Союз намерен во что бы то ни стало сохранить контроль над Афганистаном и не заинтересован в хоть сколько-нибудь серьезном улучшении отношений с Соединенными Штатами. Однако такая гипотеза поддается проверке. Для этого Соединенным Штатам следует и впредь оказывать давление на Никарагуа, демонстрируя тем самым, что Соединенные Штаты не могут смириться с усилением советского присутствия в Центральной Америке. Следует продолжать поддержку сил сопротивления в Афганистане и разоблачать в глазах мировой общественности античеловеческую сущность советской политики „умиротворения” в этой стране. И, наконец, Соединенные Штаты должны продемонстрировать готовность к диалогу с Советским Союзом по обоим вопросам — и об Афганистане, и о Никарагуа, и разъяснить советским лидерам перспективы урегулирования региональных конфликтов, которое, в свою очередь, будет способствовать улучшению американо-советских отношений. Если же советское руководство отрицательно отнесется к конкретным предложениям по урегулированию региональных проблем, то и это будет весьма красноречивым ответом.

Перевод Льва Вайнштейна

Приход к власти Ю. В. Андропова в 1982 году был, по всей видимости, началом глубоких структурных изменений в советском обществе. Смена руководства в данном случае отражала сдвиг в правящем блоке, поражение консервативных элементов и укрепление реформистско-технократических течений. Хотя сами по себе эти течения неоднородны, сплотившись вокруг нового сильного лидера, они смогли нанести поражение брежневской фракции. Андропов провозгласил необходимость серьезных перемен в экономике, а также „во всех тех формах общественной жизни, которые принято называть надстройкой” (Материалы Пленума ЦК КПСС, 22.2.1982. М., 1983, с. 8). Таким образом предполагалось, что перемены должны произойти также в политике и идеологии.

Тем не менее реальные перемены не наступили. Провозгласив новый курс, андроповская фракция столкнулась с ожесточенным сопротивлением консерваторов. Преодолеть это сопротивление окончательно удалось лишь к лету 1985 года, когда у власти уже находился М. С. Горбачев. При этом, говоря о явной победе реформистских сил, мы не должны забывать, что консервативная оппозиция не ликвидирована и не может быть ликвидирована (в той мере, в какой она порождается объективными условиями), но совершенно ясно, что удалив из Политбюро главного соперника Горбачева Романова и пополнив новыми членами этот ключевой орган, андроповцы стали хозяевами положения. В этих условиях можно, наконец, переходить от разговоров о переменах к реальным реформам. Первым шагом новой администрации было, как известно, постановление об алкоголизме. Однако гораздо большее значение для развития

* Эта статья пришла в редакцию журнала „Проблемы Восточной Европы” из Москвы. Редакции известны имена авторов.